

Л.А. Буторин, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет кооперации, Мытищи (Россия)

Ключевые слова: уголовный процесс; гражданский иск; Европейский Суд по правам человека; компенсация морального вреда.

Аннотация: Исследуются вопросы гражданского иска, защиты прав потерпевших, анализируются рекомендации Европейского Суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации и научные и учебные публикации в уголовном процессе.

С момента введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на первом месте среди принципов уголовного судопроизводства защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6). Нисколько не умаляя роли других принципов, гарантирующих последовательное осуществление всех необходимых процедур и принятие решений для осуществления задач уголовного процесса, обратим внимание на реализацию именно этого пункта.

В ретроспективном контексте приходится отметить, что его воплощение послужило на первом этапе для постановки весьма важного, но крайне неудачного эксперимента. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ УПК РФ был дополнен весьма важной частью: «Бланки процессуальных документов». Как показал опыт применения данной части, воспринимаемые в качестве документов, имеющих юридическую силу закона, из-за преклонения перед формальными признаками этих документов страдала вся процедура осуществления следственной и судебной деятельности. Как отмечали практики-следователи того времени, из-за несоответствия в количестве строк постановления о продлении срока следствия и содержания под стражей с соответствующим атрибутом (пустыми строчками) бланка данный документ возвращался на доработку, ставил перед необходимостью решать вопрос об освобождении обвиняемых в тяжких преступлениях из-под стражи и в связи с этим создавал угрозу защите прав потерпевшего, его здоровья и даже жизни.

Из опыта с защитой прав потерпевших можно упомянуть и вопрос рассмотрения в уголовном деле искового производства. Весьма ценный институт тоже был отмечен в бланке № 53 «Постановление о признании потерпевшим» упомянутой части УПК. И, хотя, вопреки высказываниям, в нём, наряду с материальным или физическим вредом, говорилось о моральном ущербе для возможного восстановления нарушенного права или законных интересов гражданина или организации, однако словосочетание «гражданский истец» в бланк не попало, а в бланке постановления о признании граждански истцом (приложение 115) было указано о праве требовать возмещения имущественного вреда, а вопрос о возмещении морального вреда, содержащийся в ст. 44 УПК РФ, здесь не затрагивался [1].

Можно отметить, что определенную положительную роль формы бланков сыграли в период становления новых требований, в ряде случаев существенно отличавшихся от имевших место ранее. Особенно в том ракурсе уголовно-процессуальных отношений, который указывает на важнейшее для процессуальных решений, процессуальных протоколов – на форму документов, как необходимый атрибут уголовно-процессуальных доказательств.

Однако ещё более положительным был отказ от жестко узаконенной формы бланка, установленный Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ, поскольку, например, в части реализации права на возмещение морального ущерба появились более широкие возможности.

На наш взгляд, опыт в совершенствовании в регулировании уголовно-процессуальных отношений должен быть и более последовательным, и более продуманным не только с позиции коррупционных составляющих или финансовых затрат, но и как препятствие нарушениям системности отраслевого регулирования, сохранения базовых ценностей, особенно важных в уголовном процессе.

Полагаем уместным напомнить о поисках исследователями более эффективного, соответствующего требованиям времени и международному уровню регулирования отношений по вопросу о возмещении ущерба потерпевшим в этот период. Ряд положительных предложений исследователя международных контактов в уголовной и уголовно-процессуальной сфере А.Г. Волеводза [2, с. 16] нашли отражение в законодательстве. В исследованиях Л.М. Батычко [3, с. 9], О.А. Зайцева [4, с. 258–259], О.В. Голикова и Г.П. Лозовицкой [5, с. 16–18] по вопросам возмещения вреда, обращалось внимание на различные аспекты этого института: о возмещении морального вреда, материального ущерба в полном объеме и по его стоимости на момент исполнения судебного решения и т. п., например, предложения). Поднимался вопрос о возмещении не только прямого ущерба, но и упущенной выгоды [6, с. 40] и другие.

Однако реальное возмещение потерпевшим ущерба нуждается в более конкретном урегулировании. На проблемные вопросы по исполнению нашим государством исковых обязательств, в частности, указал Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Из двух его резонансных решений можно сделать вывод о неэффективном реагировании государства в сфере обеспечения прав или восстановлении справедливости потерпевших (их представителей) от преступных посягательств.

Равные возможности для защиты своих прав у потерпевших и обвиняемых это вопрос, в котором Россия сегодня оказалась на ненадлежащей высоте. Потерпевшие, получившие ранения при применении на поражение табельного оружия майором милиции Евсюковым, не получили от Российской Федерации никакой компенсации за причиненный преступлением ущерб здоровью и расходов на лечение. ЕСПЧ рассмотрел обращения трёх россиян, пострадавших в инциденте и указал России на невыполнение «своего обязательства в соответствии со статьей 2 Конвенции по принятию надлежащих мер для защиты жизни людей, находящихся под его юрисдикцией, не обеспечив тщательный отбор и контроль представителей государства, которым разрешено носить огнестрельное оружие». Для восстановления справедливости назначил к выплате Российской Федерации в их пользу соответствующую компенсацию. Данное решение ЕСПЧ как прецедент необходимо учитывать в целях более полной защиты прав потерпевшего не только в подобного рода случаях, но и тогда, когда причинённый преступлением ущерб взыскать не с кого в силу того, что следственные органы или оперативные аппараты не смогли обнаружить виновное лицо и привлечь его к ответственности за содеянное [7].

Этот упрек, адресованный нашему государству и государственным органам, стоящим на защите прав и законных интересов граждан (включая судебную власть, следственные и другие правоохранительные органы), представляется справедливым. Действительно, поскольку в российском уголовном процессе предусмотрены меры по защите прав и законных интересов участников судопроизводства, включая потерпевших, следствие и суд обязаны безоговорочно обеспечивать их исполнение.

Иная ситуация имела место по событиям в г. Беслане Северной Осетии «которое касается разрешения представителями государства кризиса в ходе крупномасштабного захвата заложников с применением оружия на поражение при проведении контртеррористической операции и уничтожении террористов». Понятно, что государство от самого теракта понесло серьезный ущерб, тем не менее, предприняло ряд мер для компенсации вреда пострадавшим людям или родственникам жертв, а в настоящее время обязано существенно усилить эти выплаты. Безусловно, для государства это тяжелая обязанность, отчасти ставшая следствием политически ангажированного подхода в решении вопросов межгосударственного уровня. Россия стремится к сотрудничеству с Европейским судом по правам человека, но в этом конкретном случае Министерство юстиции РФ просило рассмотреть дело о компенсации морального вреда пострадавшим или семьям лиц, погибших при теракте, в коллегии Большой палаты с учётом исключительной сложности и деликатности затронутых вопросов.

Как сообщили РИА Новости 13 апреля 2017 г. ЕСПЧ призвал Россию выплатить истцам по делу о теракте в Беслане почти три миллиона евро, в том числе 2 миллиона 955 тысяч евро в качестве возмещения нематериального ущерба. Соответствующее решение принято (о выплате компенсации) и пересматриваться не будет [8].

Необходимо отметить, что Верховный Суд Российской Федерации в качестве меры, обеспечивающей более внимательное отношение к исковым требованиям при отправлении уголовного правосудия, выразил свое отношение по урегулированию данного вопроса в разделе «Вопросы гражданского иска» Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре». Одно из его предписаний сформулировано следующим образом: «В частности Судам необходимо иметь в виду, что лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, которая, в соответствии с законом, осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При разрешении подобного рода исков следует руководствоваться положениями статей 151, 1099, 1100, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие... обстоятельства дела, влияющие на решение суда по... иску... При определении размера компенсации морального вреда должны учитываться требования разумности и справедливости» [9].

Указание высшей судебной инстанции России на особое положение иска в уголовном судопроизводстве явилось ответом на вызовы европейской юридической общности, выраженные в решениях ЕСПЧ, а также попыткой возмещения судебной власти своим воздействием смягчить отставание от этих требований действующего российского уголовно-процессуального законодательства. Можно отметить и то, что возмещение физического вреда здесь трансформируется в возмещение морального вреда. О необходимости такого преобразования ранее высказывался А.П. Рыжаков [10, с. 106].

В качестве комментария к этому положению полагаем целесообразным отметить, что Пленум акцентирует внимание на потерпевшем и не упоминает других участников уголовного судопроизводства заинтересованных в разрешении исковых требований со стороны обвинения, представителя потерпевшего, гражданского истца и его представителя, из чего на практике вновь могут возникнуть не четкие оценки их прав и ролевого участия.

Представляется, что это мера вынужденная, обусловленная недостаточно четким урегулированием вопроса о гражданском иске в уголовном судопроизводстве. Исследователи обращали внимание на то, что в уголовно-процессуальном законе должны быть четкие формулировки об иске, правах и обязанностях должностных лиц, оформляемых ими процессуальных документах и принимаемых решениях.

Особо выглядит не решаемым, в уголовном процессе, вопрос возмещения ущерба в результате преступлений, которые совершены не установленными следствием лицами или лицами, которые скрылись от следствия или суда, включая и те случаи, когда привлекавшиеся к ответственности лица были оправданы судом. Отсрочка на неопределенное время судебных слушаний и postponement соответствующего приговора лишает пострадавших (потерпевших или физических и юридических лиц, понесших ущерб) от преступления надежд на возмещение утраченного имущества и тем более морального ущерба.

Поскольку неэффективными оказались действия правоохранительных органов, как показывает практика Европейского Суда по правам человека, бремя возмещения ущерба, причиненного преступлением, включая моральный вред, ложится на государство. Об этом, в частности, пишут А.Г. Дык и Н.Е. Муллахметова, поддерживая заслуживающее внимания предложение о создании в государственном соответствующего фонда возмещения вреда [11, с. 36–47].

В связи с рассматриваемыми вопросами целесообразно обратить внимание еще на одно обстоятельство. А.И. Ибрагимов представила теоретическое обоснование, характеризующее иск в уголовном судопроизводстве как институт публичного, а не частного права [12, с. 208–213]. На первый взгляд эта позиция выглядит привлекательно.

Действительно, наличие правового института искового производства в уголовном процессе меняет ряд действий и отношений по рассмотрению иска. На этом основывается также вывод, сформулированный, в частности, С.А. Шейфером, о том, что процедура рассмотрения иска в уголовном судопроизводстве имеет смешанный характер [13, с. 303].

Однако, на наш взгляд, необходимо рассматривать роль иска в двух совершенно разнящихся ситуациях в зависимости от итогового решения по уголовному делу. Во-первых, в ходе подготовительного этапа имеются существенные отличия в процедуре формирования исковых отношений. Но судебное рассмотрение иска следует судебному обвинительному приговору по принципу преюдиции. В целом подход к принятию, обсуждению, оценке и разрешению иска судом принципиально системы не меняет. Соответствующий отсыл к гражданскому законодательству при рассмотрении иска всё-таки сохраняет институт в рамках частного права.

Во-вторых, оправдательный приговор может повлечь либо отказ в удовлетворении иска, либо оставление иска без рассмотрения, что конкретно отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре».

Можно согласиться с тем, что правовой институт иска о возмещении вреда имеет свою специфику в силу особенностей действующих процедур, если его адресуют либо к государству Российской Федерации (например, в рамках ЕСПЧ), либо при возмещении ущерба в связи

с реабилитацией незаконно привлеченного к уголовной ответственности или осужденного. При этом за деяния (дисциплинарный проступок или преступление) должностных лиц вновь становится ответственным государство. Однако природа искомых отношений – прерогатива частного права, а особенности их реализации не влекут преобразования иска в институт публичного права.

Можно сделать вывод, что законодатель не счел возможным отдельно в уголовно-процессуальном законе обозначать институт гражданского иска именно из-за его гражданско-правового статуса. Однако в настоящее время проявляется настоятельная необходимость в более тщательном законодательном регулировании спорных или не нашедших отражения вопросах гражданского иска в уголовном процессе, создания других эффективных средств для возмещения морального ущерба, причиненного преступлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ УПК РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27-1. Ст. 2706.
2. Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 462 с.
3. Батычко Л.М. Проблемы исковой формы защиты интересов в уголовном судопроизводстве: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 24 с.
4. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2001. 512 с.
5. Голиков О.В., Лозовицкая Г.П. Проблемы возмещения вреда потерпевшему в уголовном процессе // Российский следователь. 2000. № 5. С. 16–18.
6. Нор В.Т. Защита имущественных прав в уголовном судопроизводстве. Киев: Высшая школа, 1989. 273 с.
7. ЕСПЧ обязал РФ выплатить компенсации пострадавшим от нападения Евсюкова // Интерфакс 1 декабря 2016 г. URL: interfax.ru/word/539446.
8. ЕСПЧ обязал Россию выплатить матерям Беслана почти три миллиона евро // РИА Новости. URL: ria.ru/world/20170413/1492147963.html.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. № 7145 (277).
10. Рыжаков А.П. Ответственность гражданского ответчика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 105–109.
11. Дык А.Г., Муллахметова Н.Е. Гражданский иск в уголовном деле как один из способов возмещения вреда, причиненного преступлением. М.: Юрлитинформ, 2013. 266 с.
12. Ибрагимов А.И. Особенности процесса возмещения вреда, причиненного преступлением // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 208–213.
13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2012. 688 с.

URGENT IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF ADVERSARY PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS

© 2017

L.A. Butorin, candidate of legal Sciences, associate Professor
Russian University of Cooperation, Mytishchi (Russia)

Keywords: criminal proceedings; civil proceedings; the European Court of human rights; compensation for moral damage.

Abstract: Examines the issues of civil action, protect victims' rights, analyses the recommendations of the European Court of human rights and the Supreme Court of the Russian Federation and scientific and educational publications in the criminal process.